

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ
ЧУЖОЕ ТЕЛО

На основе реальных событий,
случившихся в Музее мировой погребальной культуры
и рассказанных его создателем С.Б.Якушиным

Музей смерти. Мистические детективы Тамоникова

Александр Тамоников

Чужое тело

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Чужое тело / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2019 — (Музей смерти. Мистические детективы Тамоникова)

ISBN 978-5-04-105256-0

Единственный в своем роде Музей смерти расположен на территории городского крематория г. Новосибирска. За внешней торжественностью и спокойствием этого необычного заведения кроется множество нерассказанных историй и неразгаданных тайн. Об этом – новый роман А. Тамоникова. К директору Музея смерти С. Б. Якушину обратились оперативники из Ярославля. Там долгое время орудовал серийный маньяк, убивавший женщин строго 23-го числа каждого месяца. Во время ареста преступник внезапно умер. После этого подобные злодеяния с точно таким же «почерком» стали случаться в Новосибирске. Якушин уверен: душа умершего маньяка переселилась в новое тело, обладатель которого в этот момент находился в состоянии клинической смерти... Эксперт привлекает к работе частного сыщика Никиту Ветрова. Тот изучает данные стационаров в поисках подходящего случая. Но фортуна на этот раз отвернулась от детектива: кандидатуры потенциального убийцы одна за другой отсеиваются, а кровавое 23-е число стремительно приближается...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105256-0

© Тамоников А. А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Чужое тело

Глава первая

20 октября.

До моей смерти оставалось двенадцать минут. Я допил коньяк, порылся в кармане, бросил купюру на барную стойку. Бармен кивнул мне как старому знакомому, сочувственно улыбнулся: утопил в вине скребущую на душе кошку? Эти бармены – такие психологи. Я впервые его видел. И бар, где по дороге домой я осушил две стопки, открылся лишь на прошлой неделе.

Я вышел из полупустого заведения. Одиннадцать вечера, на Красном проспекте в окрестностях дома быта горели фонари, проносились редкие машины. Обещанный синоптиками порывистый ветер переходил в полноценный ураган. По тротуару носились пластиковые пакеты, обрывки рекламного творчества, пронзительный ветер гнул деревья, ломал ветки. Начиналось очередное светопреставление. Нечто подобное уже случалось в прошлом месяце. Тогда по городу навалило массу деревьев – пробки были убийственные. Массивные рекламные конструкции падали как подкошенные. Ветер уносил автобусные остановки и всех, кто в них находился. Жертв удалось избежать, но пострадавших по городу набралась не одна сотня, травмпункты ломались от наплыва посетителей. Сегодня назревало что-то подобное. Стихия буйствовала уже час.

Начинался дождь. Струи воды летели почти горизонтально. Я натянул капюшон, ушел с Красного проспекта в ближайшую подворотню и сделал остановку под козырьком заднего крыльца. Там располагалась фирма по ремонту компьютеров, лестница вела к стальной решетке. Я спустился на несколько ступеней, курил под защитой навеса. На душе было пакостно, погодные условия только усугубляли мое состояние.

Машина сломалась полчаса назад – потекла стойка, – передвигалась скачками, как кенгуру. Пришлось оставить ее у Центрального парка, дальше идти пешком. И так удачно подвернулся этот недавно открывшийся бар...

Зря я туда зашел, надо было сразу бежать домой. Уже бы добежал. А теперь на улице творилось сумасшествие. Я угрюмо смотрел, как качаются кроны деревьев, как прогремела по дорожке оторвавшаяся доска объявлений. Ветер крепчал – это был уже не ураган, а какой-то торнадо. В трехэтажном здании в глубине двора погас свет во всех окнах – отломившейся веткой березы порвало провода. Но дождь, как ни странно, стихал. Только ветер продолжал беситься.

Я собирался выйти, когда в кармане ожил телефон.

– Ну, ты где? – полюбопытствовала Варвара.

– Уже недалеко, – отозвался я, – минуты за три добегу. Все в порядке, Варюша.

– Добежишь? – насторожилась девушка. – Ты же вроде на колесах...

– Был на колесах, – уточнил я и кратко описал постигшее мой «Террано» несчастье. В принципе не страшно, пусть хоть месяц там стоит, если ураганом не унесет.

– Ты выпил? – заподозрила недоброе Варвара. – Я чувствую по голосу...

– Ерунда, – отмахнулся я, – в бар на Красном заскочил, грешен. Уже выскочил, скоро буду.

– Не слышу уверенности в твоём голосе. Что с тобой происходит, Никита?

– Ума не приложу, – признался я. – Назови это безотчетной тревогой, не знаю, кто из нас психолог? Не могу объяснить, Варюша, как-то все плохо...

– Но жизнь не так ужасна, как кажется, – с сомнением заметила девушка.

– Но и не так прекрасна, как хочется, – вздохнул я. – Все в порядке, не парься, скоро появлюсь.

– Хотелось бы еще скорее, – хмыкнула Варвара. – Ты в курсе, что происходит на улице?

– Конечно, я же на улице.

Мы снова жили вместе в моей квартире на Советской улице, по соседству с перестроенными Федоровскими банями. Месяц назад Варвара перебралась с вещами, и это была уже третья попытка. Вместе было трудно, а порознь – невозможно, какая-то патовая складывалась ситуация. Но пока мы держались, у нее не было оснований послать меня подальше и вернуться в свою квартиру на Нижегородской. Я уже научился ставить швабру к стене так, чтобы она не падала. А на прошлой неделе назло Варваре навел порядок в квартире. Она два дня искала свой любимый бюстгальтер.

Состояние было омерзительное, и я не мог понять, с чем это связано. Спиртное не действовало. Начинался озноб. Я выбросил сигарету, покинул укрытие и решительно зашагал по внутримодерновой территории – мимо детского садика, каких-то бойлерных, трансформаторных будок, без просвета припаркованных машин. До родимого дома оставалась пара дворов.

Ветер бушевал наверху, сдирая последнюю листву, среди домов и деревьев было еще терпимо. Над городом неслись кудлатые тучи. Ни одной живой души в округе – словно я один во всем городе.

Я обогнул несколько домов, перебежал переулок, по которому ползла одинокая машина с мельтешащими «дворниками», и вскоре вошел в свой двор. Здесь тоже было пусто. Завывал ветер. На детской площадке валялась оторвавшаяся от тополя ветка. Еще одна придавила запаркованную «Калину» – сигнализация почему-то не работала.

Я двинулся напрямую – по «народной тропе», проложенной жильцами между тополями. И быстро пожалел об этом – грязь липла к подошвам. Мой подъезд находился в центре изогнутого здания. Подъездная дорожка была свободной, за исключением пары сломанных веток. Электричество не отключали – в окнах горел свет. Но какие-то провода оборвались и болтались на ветру. В правой части здания что-то искрило в полуподвальных окнах. Так и до пожара недалеко...

В моей квартире за задернутыми шторами горел свет, проступали очертания балкона. Блуждала тень по кухне – Варвара ждала меня. Пространство у подъездной двери освещала мутная лампочка под козырьком. Мне почудилось, будто что-то шевельнулось за машинами, припаркованными у фасада. Нет, показалось. На всякий случай я расстегнул нижнюю пуговицу куртки, чтобы облегчить доступ к травматическому «ПМ», а когда перебежал дорожку, глянул за машины. Нет, паранойя. Теперь повсюду мерещится этот тип – тот, что преследовал меня на «Субару». Кто на кого открыл охоту?

Я нырнул под козырек, стал выуживать ключи, отмечая машинально две вещи. Первое: здесь тоже болтались провода. Второе: кончился дождь, и стихал ветер. Домофон недавно отремонтировали, и теперь по одному желанию стальная дверь не открывалась. Я вставил узкий ключ в щелевидное отверстие, вынул и, пока не оборвался писк, взялся за ручку...

Удар был настолько силен, что меня отбросило на несколько метров. Сознание захлопнулось еще до того, как я что-то понял...

Весьма странно, но я очнулся и поднялся – в отличие от того парня, что остался лежать на асфальтированной дорожке. В теле царила легкость. Я словно сбросил с себя одежды. Или эти одежды и были... телом? Я не чувствовал никакого тела! Я ничего не чувствовал – ни холода, ни измороси, оставшейся после дождя. Легкая паника, что нет возможности дышать. Но она сразу прошла – вроде и нет необходимости это делать...

Метались мысли, я испытывал какую-то нелепую двойственность. Словно очнулся не совсем я. Звучала назойливая музыка – тоскливая, однообразная, было непонятно, то ли это

скрипка, то ли клавишные, то ли гитара. Я четко знал: меня ударило током, но как, почему и с какой стати? Я все видел и слышал, сознание работало, хотя в его работе что-то настораживало.

Я стоял над этим парнем, тупо смотрел на него. Он лежал на спине, раскинув конечности. В левой руке сжимал такие знакомые ключи от домофона и квартиры. Физиономия небритая, глаза закрыты, рот оскален – словно собирался закричать, но не стал. Капюшон сорвало при падении, волосы торчали, как колючки у ежа...

Осознание приходило не сразу. Каждое утро я вынужден любоваться этой физиономией – когда зубы чищу. Еще когда бреюсь, но это реже...

Не было ни горя, ни радости – только легкость. Еще немного удивления – значит, вот как оно происходит? Почему тогда я живой, все понимаю? Почему я здесь? Это был мой мир, но что-то в нем уже деформировалось, предметы искажались, темнели, принимали коричневый оттенок.

Мысли путались, двоилось сознание. Лились какие-то странные воспоминания. Раннее детство, начало жизненного пути – отчаянно скрипит треснувшая педаль трехколесного велосипеда, вот-вот отвалится... Это было со мной? Разве у меня был трехколесный велосипед? Почему я раньше этого не помнил? Кто та молодая женщина в берете, что оттаскивает велосипедиста с дорожки, когда во двор въезжает машина?

Я просматривал прозрачные слайды из детства, они менялись, я словно находился в нескольких мирах одновременно. Девчонка, с которой я иду из школы и что-то радостно рассказываю, у нее родинка на подбородке. Это было так давно, я не помню, кто она, тем более не помню эту родинку, и почему я такой довольный? Майор в военкомате перелистывает мое дело, у него пустые глаза, он думает про обед, а я упрямлюсь, чтобы меня записали в десант – иначе какой смысл идти в армию? Это реально было? Странно, я не помнил...

Но все же мой мир превалировал – искаженный, выцветший. Я все осознавал, невзирая на сумятицу в сознании.

Послышался шум, во двор въехала машина, втиснулась где-то справа на последнее свободное место. Вышел водитель... и бросился к расprostертому телу, забыв закрыть дверь! На меня он не смотрел – только на того парня. Сосед Виталька из 34-й квартиры – нормальный мужик, экспедитор в крупной фирме, отец двоих детей и хороший семьянин.

Освещения от лампы хватало. Он опустился на колени, стал трясти того парня. Потом оставил его в покое, схватился за телефон, стал звонить, кричал: «Скорая!», «Скорая!» С Виталькой нас связывали неплохие отношения, однажды я оказал ему услугу, отвадив от его телефона мелкого шантажиста.

Колыхнулась занавеска в окне первого этажа, и через минуту выбежала женщина в наброшенном плаще – Клавдия Ивановна, успевшая в этом году безнаказанно выйти на пенсию в 55 лет. Она скатилась с крыльца, кинулась к Витальке, который устроил скачки вокруг моего тела. Слабая мысль шевельнулась: а Клавдию Ивановну-то почему не шибануло? Она нагнулась над телом, стала ахать, причитать, прижимать руки к груди. Приятно, что не всем ты безразличен. Она что-то спрашивала у Витальки, тот отрывисто отвечал.

Ураган закончился – как кстати! Запищала дверь соседнего подъезда, еще кто-то вышел, заскользил бочком к месту происшествия. Тоже лицо знакомое, и этот мужик меня тоже в упор не замечал...

Я плавно отходил от всего этого, картинку затягивала муть. Покосился на открытую дверь Виталькиной машины – может, залезть, погреться? Нет, бессмысленно – холода я не чувствовал, как и всего остального...

«Скорая помощь» прибыла через пять минут – рекорд для этого города! Очевидно, находилась где-то рядом, когда поступил вызов. Микроавтобус характерной расцветки с включенными маячками протискивался через припаркованный автотранспорт.

Он подъехал к телу, высадил десант медиков. Врач склонился над лежащим. Санитар выволакивал носилки из недр машины. Я отвернулся – не больно-то интересно. Людей во дворе прибыло. Дождь прекратился, ветер стих – почему не погулять?

Медики колдовали над телом, пытались его реанимировать. Работал переносной дефибриллятор. Дергались ноги потерпевшего, группа граждан сочувственно вздыхала. Я слышал, как переговаривались медики: «Бесполезно, Петрович, типичный симптом Белоглазова, да и роговица мутная – поплыла «льдинка». Я не был таким уж несведущим. Ранние признаки биологической смерти: помутнение и высыхание роговицы – «симптом плавающей льдинки»; тот же «кошачий глаз» (симптом Белоглазова) – когда при боковом сдавливании глазного яблока зрачок превращается в вертикальную щель...

Мне было до лампочки. Я протек мимо этих людей, когда они уже решили мою судьбу (и вердикт был неутешительный). Из машины вышел водитель, чтобы помочь загрузить тело. Меня несло к подъездной двери. Туловище было как мое, но немного другое – оно вытягивалось, пропадала нога, словно ластиком стерли! Где Варвара? Почему такое важное событие происходит без ее участия? Клавдия Ивановна, трагически вздыхая, поспешила обратно в подъезд. Возможно, утюг не выключила или на плите что-то подгорало.

Ключ от домофона она не забыла – вставила куда следует, вошла в подъезд. Я просочился вслед за ней, пока доводчик медленно тащил закрывающуюся дверь. Постоял, дожидаясь, пока она уйдет к себе в квартиру.

Поднимался, словно плыл, сомневаюсь, что вообще касался пола. Возможно, был иной способ попасть в квартиру, но я пока не разобрался. Время и пространство еще имели значение, но явно ненадолго. Сверху донесся топот, я успел прижаться к стене. Мимо меня с тоскливым воем, брызгая слезами, пролетела Варвара в домашних тапках. Выглянула наконец в окно! Меня она, естественно, не заметила – конечно, я ведь такой незаметный! Она потеряла тапок, но не стала его искать, распахнула настежь входную дверь и выскочила наружу. Дверь закрывалась плавно, я видел, как она бежала к машине «Скорой помощи», куда грузили мое бездыханное тело, что-то кричала.

Ничего доброго ей не сообщили, разразилась истерика. Она надрывно кричала: «Это неправда, вы бездельники! Попробуйте еще раз, он жив! Сделайте хоть что-нибудь! Никита, очнись!»

И даже когда закрылась дверь, я слышал ее крики – они стали глухими и непереводаемыми. Возможно, медики вняли ее мольбам, снова стали проводить реанимацию. Легко сказать «не умирай», можно подумать, я тут распоряжаюсь. В состоянии ничего не менялось – значит, успехов они не добились. Я скользил наверх. Мысли и воспоминания продолжали бег. Дым, автоматные очереди, крики на арабском – видение последнего боя, когда я получил обширную контузию, а после лечения убыл на гражданку... Собственный подъезд расплывался вглубь ивширь, терялась четкость – его словно заволакивало паром от лопнувшей трубы.

На втором этаже опять пришлось посторониться – спускалась девушка в серой куртке и тонкой шапочке из валяной шерсти. Она прошла мимо и буркнула под нос:

– Привет.

– Привет, – машинально отозвался я, прошел еще немного и встал как вкопанный. – Эй, минуточку... Ты меня видишь?

– Вижу, – вздохнула девушка, – Как не видеть, Никита, я сама такая... А вот твоя зазноба меня не видела – выскочила как ошпаренная... Любит она тебя, Никита. Вернее, любила... Любовь к таким, как мы с тобой, – понятие сложное, относительное и что-то из разряда духовных категорий.

– Подожди, – дошло до меня. – Ты же Катя Саульская с верхнего этажа? Пропала осенью прошлого года. Из Пашина от знакомых возвращалась – и с концами. Тебя искали целый месяц – никаких следов, ты как в воду канула. Жених твой убивался, затеял активные поиски, при-

влек поисковиков-добровольцев – такую кипучую деятельность развил, что первым под подозрение попал. Потом, впрочем, эту версию исключили...

– И правильно сделали, – кивнула Катя, – Эдик был совершенно ни при чем, ему от моей смерти ничего не выгорало, он только терял – хорошую квартиру, не старый еще «Ровер», приличную дачку в Нижней Ельцовке. Он так горевал, что от горя даже женился полгода назад, подонки... Я приходила на его свадьбу – в невесте ничего особенного, в меру страшенькая, дура душой. Так хотелось Эдику по роже съездить, но как? Таксист на меня напал у переезда за Жуковкой, в ста метрах за автобусной остановкой. Я когда в гостях была, вызвала машину от фирмы «Лидер». Этот нормальный был – приехал точно в срок, до переезда довез, а там сломался... Эвакуатор ждал, предложил посидеть в его компании, а я решила до остановки дойти – может, автобус полуночный появится... Телефон разрядился, я только на остановке это обнаружила. Там вообще никого в этот час. Единственная машина из Жуковки шла, остановилась, шофер спросил, куда ехать. Он точно таксист, компания «Автодом» на борту написано. Смешливый такой, с двойным подбородком, глазки масляные. Номер 520 – я машинально запомнила. «Рено», кажется. Ну и села. Сто метров провез, встал у обочины, из баллончика в лицо брызнул, а когда я очнулась, мы уже в лесу были. Изнасиловал, потом задушил. Еще урчал, что ненавидит проститутки... Это я-то проститутка? Совсем дурак, что ли? У него лопатка в машине была, оттащил в канаву, закопал. Там земля мягкая, податливая, камнями завалил, листьями присыпал... Меня так и не нашли, преступник не наказан... – Катя сокрушенно вздохнула. – Вот и маюсь, по городу блуждаю, иногда домой прихожу, рядом с мамой сижу, она совсем больная стала. Тебя периодически вижу – ты всегда такой занятой... А с тобой-то что приключилось, Никита? Вроде не больной был...

– Током шибануло, – объяснил я.

– А-а, – протянула Катя, – это бывает. Я тоже с электричеством не дружила... Ладно, сосед, увидимся еще. У нас теперь вагон времени. Надеюсь, твоя Варвара не выскочит с горя за первого встречного.

Екатерина растворялась в дымке. Я продолжал движение, потом томился на площадке третьего этажа, рассматривал собственную дверь. Зачем мне туда? Дело прошлое. Варвара все равно на улице. Поколебавшись, я отправился обратно. Как там наши реанимационные мероприятия? Я ловил себя на мысли, что по крупному счету мне все равно. Опутывало странное чувство спокойствия. Картинки из прошлого уже не беспокоили – кончилась фильмотека.

Я осваивался в новой ипостаси – совершенно не к чему мяться под дверью и ждать, пока кто-нибудь тебе откроет. Я сам не понял, как оказался на улице – просто прошел насквозь. То самое свойство сверхтекучести, которое приписывают душе?

Ураган закончился, моросил дождик. «Скорая» еще не уехала. Тело, укрытое простыней, заталкивали на носилках в машину. Рыдающую Варвару тактично отстранили. Она истошно восклицала: «Куда вы его везете?!» – «В морг, гражданочка, куда же еще? – урчал плечистый медработник. – В морг судебной медэкспертизы, утром будут вскрытие делать. Так положено, такая процедура – законы читайте. Утром подъезжайте, все оформите, ближе к вечеру сможете забрать тело. Да вы не сомневайтесь, он мертв. Уж если врач сказал в морг – значит, в морг...»

«Скорая» отъезжала, теряясь за припаркованными машинами. Варвара стояла посреди дорожки в одном тапке, потрясенно смотрела вслед. Сосед Виталька что-то сочувственно говорил, потом взял ее под руку, повлек к подъезду – она шла, как робот. Рассосались остальные зрители – ни живых ни мертвых. Остался только я. Снова шевельнулась интересная мысль: почему же только меня шибануло? Впрочем, хорошо, что другие не пострадали...

Я свыкался с новым состоянием, не находил в нем ничего ужасного или сверхъестественного. Звучала въедливая музыка – то отдаляясь, то нарастая. Я мог перемещаться по пространству, не шевеля ногами. Но куда податься – и зачем? Я обладал суперсилой: мог летать и проходить сквозь стены. Я понимал, что умер, но эмоции были приятные: меня окружали

спокойствие и умиротворение. Рассасывалась легкая досада, что доставил неудобство Варваре (но это пройдет, мы знакомы всего полгода); что мама узнает – а это страшно, когда хоронишь собственных детей. Римма Казаченко, моя секретарша в офисе детективного агентства «ЧП Ветров», возможно, всплакнет, кое-кто еще по мелочам. Не говоря уж о том, что российский частный сыск понес такую тяжелую утрату...

Музыка в ушах делалась громче, торжественнее. Я уже не обладал свободой передвижений – «казачья вольница» оказалась недолгой. Я отрывался от земли, всасывался в бледно освещенный тоннель. Пространство и время деформировались, я находился вне физических категорий. Материальный мир пропадал, оставался за кадром – темный двор родного дома на улице Советской, наваленные бурей ветки, оборванные провода, поблескивающие от дождя крыши машин. Я уходил от всего этого, втягивался во что-то мерцающее, извилистое.

Невозможно описать, что я делал – падал, поднимался, летел или плыл. Это было не совсем то, что описывают люди, пережившие клиническую смерть. Не было широкого прямолинейного тоннеля, залитого светом и устланного ковровой дорожкой. На освещении здесь экономили. И создавалось впечатление, что меня отправили на тот свет через заднюю дверь. Не было сопровождающего – ни демона, ни Святого Духа. Все ужасно заняты? Оборвалась слабо освещенная извилистая шахта. Я находился в субстанции, которую невозможно описать, совершал медленные поступательные движения. Впереди был свет, но очень далеко. Я был уже не одинок, попадались личности – аморфные, невразумительные. Они представляли, как за оболочкой мыльного пузыря. Встречались конкретные лица – во всяком случае, в моем восприятии они ассоциировались с лицами. Я видел своего отца, скончавшегося несколько лет назад. Он совсем не изменился, такой же морщинистый, седой – смотрел с печалью и сожалением. Он что-то говорил, но я плохо понимал, улавливал лишь одну мысль: огорчительно, сын, но теперь мы будем вместе, у нас целая вечность в запасе! Я видел свою покойную бабушку Алевтину Максимовну – она скончалась, когда я был ребенком, но хорошо запомнил ее лицо. Удивление, белые одежды, седые волосы, заколотые гребенкой. «Ох, рано ты к нам попал, Никитушка, пожить бы тебе еще немного...»

Я им что-то отвечал, парил в светящем пространстве – бездонном, без краев. Свет был близко – яркий, но не слепил. Все вокруг теперь было пронизано светом – мягким, золотисто-желтым, я никогда не видел на земле такого света. Он колебался, менял переливы. Страх смерти не было – ни отчаяния, ни обиды, ни жалости, что покинул еще вполне пригодное к употреблению тело. Все становилось ровно, покойно.

Со мной разговаривали духи без лиц, в них не было чего-то зловещего или угрожающего. Я путешествовал по тонкому миру, в который, если верить некоторым людям, убывает душа после смерти, чтобы занять предписанное ей место. А еще это своеобразный «жесткий диск», служит накопителем и хранителем информации из материальной Вселенной. Все нормально. Жизнь не удалась – может, смерть удастся? Как странно, я еще сохранялся как индивид, но личность уже расплылась, я становился частью чего-то большого, и это несколько не огорчало...

И вдруг я уткнулся в незримую преграду. Словно натянули поводок, привязанный к лодыжке, завершилось путешествие по неизведанному миру. Меня не пускали, крепко держали. Путешествие прекратилось, свет не приближался.

Я начал волноваться – почему меня не пускают? Я хочу туда – дальше. Я не хотел обратно в тело! Здесь хорошо, спокойно, а там что? Меня поволокло обратно, я был расстроен, возмущен. Что за агрессивное вторжение в чужое личное пространство!

Свет становился блеклым, меня по-прежнему окружали существа, мелькали в обратном порядке лица – они словно улыбались! Меня засасывало в знакомую шахту, я бился об острые углы и чуть не физически ощущал боль. Отчаяние, бессилие что-то исправить. Я хочу обратно в рай!

С чего я взял, что там был рай? Структура тонких миров куда сложнее банальных представлений верующих. Я испытывал дискомфорт, меня окружало что-то темное, недружественное. Я снова слышал голоса – теперь ехидные, вкрадчивые. Они нашептывали, вгрызались в меня. Я различал слова, понимал смысл. «Не время еще, Никита Андреевич, вам нужно вернуться – так повелели свыше. Успеете еще, всему свой час... Впрочем, у вас есть свобода выбора... – Мне казалось, что надо мной решили подшутить, – хотите, возвращайтесь к себе, на обжитую, так сказать, жилплощадь. Хотите – в новое тело – можем устроить. Скажем, вот в эту симпатичную женщину, что лежит рядом с вами, – она умерла, но что не сделаешь для хорошего человека? Вполне такой сносный бюджетный вариант...»

Надо мной определенно издевались!

«А вы еще что за личность? – хрипел я. Возможно, и не хрипел, даже рта не открывал, но казалось, что делаю именно это. – Что вы хотите? Отстаньте от меня...»

«Не личность, а сущность, Никита Андреевич, – въедалось в мозг. – Скажем так – высокого порядка. Впрочем, вам это знать необязательно – только мозги себе свернете. Всему свой час, как говорится... Хорошо, не будем подвергать вашу душу пошлым экспериментам. Удачи вам, Никита Андреевич...»

Жадный вдох, рывок... Я очнулся в темноте, на чем-то жестком и неудобном. Голова была пуста, как дырявый молочный бидон. Что это было – я запрыгнул в свое тело, как в брюки? Меня трясло, было холодно, зубы выбивали морзянку. Никакой какофонии в ушах – сплошная тишина. Я дышал! Прерывисто, хрипло, с пробуксовками, но – дышал! Я чувствовал запахи в помещении – прямо скажем, не очень приятные...

Где-то далеко угадывался тусклый прямоугольник света – дверь с окном из мутного рифленого стекла. Я сел, свесил ноги – упала простыня. Я лежал на какой-то каталке. Рядом аналогичная, справа через проход – таких целый ряд.

Я стал себя ощупывать. Очень мило, меня раздели. То есть совсем. Я отдышался, постарался взять себя в руки. Я точно был жив – дышал и все чувствовал. На голове все дыбом. Я все-таки вернулся. Пока это было единственное, что закрепилось в сознании. Со мной недавно разговаривали? Я не личность, я сущность... Безумный сон? Или у существ, населяющих тонкий мир, тоже есть чувство юмора? Машина «Скорой помощи» во дворе, Варвара, заламывающая руки, пропавшая год назад Катя Саульская в подъезде...

Воспоминания загружались неторопливо, с пробелами. Душа металась, рвалась с вещами на выход. Я физически чувствовал, как шевелятся волосы на голове. Глаза привыкали к полумраку. Просторное помещение, высокий потолок. Больничные каталки (или что-то другое) в несколько рядов с узкими проходами – но достаточными, чтобы выкатить их с «парковки» и развернуться.

Это морг? Под простынями находились мертвые тела – я не видел ни одной свободной каталки. Что за женщина рядом со мной? Мне говорили о какой-то женщине... Я спустился босыми ногами на холодный пол, затаил дыхание, приподнял соседнюю простыню. Чуть не вырвало. По соседству лежала женщина – вроде не старая, темноволосая. На лице искаженная маска – полумрак ее не столько скрывал, сколько подчеркивал. Я попятился, заскрипела конструкция, в которую я оперся спиной, сдвинулась с места. У этих существ реальное чувство юмора... Доходило медленно – сквозь недоумение, полное неприятие случившегося. «Куда вы его везете?!» – «В морг судебной медицины, гражданочка, утром будут делать вскрытие. Так положено, такая процедура...» Но я не хочу, чтобы мне делали вскрытие! Я снова себя ощупывал. Никаких шрамов во все пузо, ничего такого. Я умер, пережил клиническую смерть, а потом вернулся. Возможно ли такое, учитывая, что медикам не удалось реанимировать меня на месте? Готов ли я это выдержать?

Я покрывался холодным потом, стучали зубы. Уж лучше в мусорном контейнере очнуться... Может, снова умру? Но нет, не похоже. Суставы работали, организм функционировал. Подгибались ноги, но это нормальное явление. Я старался дышать размеренно, «включил» голову. Только не пороть горячку, спешить особо некуда. Вскрытие еще не делали, это утром, а пока – ночь.

Я находился в состоянии клинической смерти несколько часов. Почему я вернулся? Первый срок клинической смерти длится не больше пяти минут. Головной мозг не снабжается кислородом, но высшие его отделы сохраняют жизнеспособность. Оживление людей возможно, но гибнет кора головного мозга. Второй срок клинической смерти может длиться до получаса, больного еще можно извлечь с того света. Но надо замедлить процессы дегенерации высших отделов мозга – специальные медицинские процедуры. Длительность клинической смерти при поражении током можно растянуть при искусственном охлаждении или другими методами – фармакология, кислород при повышенном давлении, введение в анабиоз, переливание крови... Но ничего такого со мной не делали! Реанимация не удалась. Констатировали смерть, привезли и бросили. За время, что я провалялся в морге, несколько раз должна была наступить биологическая смерть! Я уже дегенерат? Почему я очнулся? Кому это понадобилось?

Нет, мой мозг работал. Лихорадка усиливалась. Я не знал, что делать, куда бежать – элементарный путь к свободе был пока отрезан. В голове худо-бедно потекли процессы, возникли видения из прошлого.

Жизнь в спецназе Министерства обороны, ранение, рапорт об увольнении со службы... Родной Новосибирск, в котором я трудился на поприще частного сыска. Детективное агентство «ЧП Ветров. Частные расследования». Вся контора – я да Римма Казаченко, верная помощница, секретарша, делопроизводительница и заноза в одном месте. Договорные работы с Сергеем Борисовичем Якушиным – основателем и владельцем Новосибирского крематория, а также Музея погребальной культуры, функционирующего при крематории.

Варвара Сташинская – парапсихолог, внештатная сотрудница Якушина, прекрасная женщина с изюминкой и большими недостатками, которую я очень люблю и, надеюсь, что это взаимно... Мама на Затулинке... Чем я занимался в последние дни? Ведь моя смерть не случайна!

Память пока отказывала. Всплывало прошлое, эпизоды расследованных дел. Надгробные плиты в одном из залов Музея Смерти, православные кресты на могилах, столетние призраки в черных платьях и с распущенными волосами... Затеяливый саркофаг, извлеченный из земли, – содержимому которого не менее 800 миллионов лет, а оно такое же свежее, как малосольный огурец... Тайные организации, орудующие в столице Сибири, чьи истинные имена мы не называем: пусть будут «контролеры», «реставраторы»... Сноп света над куполом главного здания крематория – так называемый портал для связи с высшими мирами...

Существует теория, что причина ярких видений в состоянии клинической смерти связана с всплеском электрической активности в мозге. Еще бы, такой заряд на грудь принял... В левой ноге ощущалось неудобство. Я ощущал пальцы, наткнулся на прицепленный к ноге кусочек картона. Бирка с номером мертвеца.

Да хватит уже! Я дернулся – мышцы непроизвольно сократились. Кончился период спокойствия и обдумывания. Что тут обдумывать? Валить отсюда надо! Жар ударил в голову, меня обуяло безумие. А всего лишь маленький кусочек картона...

Я содрал с ноги бирку и вывалился в проход. Прямоугольник света продолжал мерцать – увы, не тот манящий свет, что я видел совсем недавно. Я сцапал простыню и кинулся через проход, но зацепился за каталку, упал, отбив бедро. Боль дошла до мозга, я, кажется, стонал. Все еще не верится, что жизнь прекрасна и удивительна? Сознание металось, круги вертелись перед глазами. Я мало соображал. За спиной что-то происходило, смещались каталки, бились друг о друга. Одно из тел сползло на пол. Я подлетел к двери, забарабанил в нее, что-то хрипел, ругался: мол, откройте, изуверы, вы держите в морге живого человека!

Это было форменное безумие. Я не помню, как долго колотился. Но вроде кто-то подошел, тень закрыла свет за стеклом. Дверь была стальная, современная, с мощными ручками и сложными запорами – чтобы не сбежали, что ли?

Я продолжал дубасить, ругался с надрывом, требовал выпустить. Хорошо, что не сбежало все заведение! Дежурная смена была немногочисленной. Человек снаружи колебался, но все-таки взялся за замки.

Я спохватился, что стою совершенно голый, стал завертываться в простыню. Он робко приоткрыл. Мужчина в белом халате – невысокий, лысоватый, немного бледный. Еще недавно он что-то жевал, но уже утратил интерес – еда застряла в горле, к губам прилипли хлебные крошки. Он выглядел неважно, моргал глазами, обведенными синью.

Но то, что предстало перед его взором, выглядело еще хуже! Привидение в простыне с горящими глазами и торчащей шевелюрой! У человека сдали нервы, он попятился. Я шагнул вперед, покинул жутковатое пространство. Он не каждый день такое видел, обмяк от страха и растерянности. Но главное, что видел! А ведь не все меня сегодня видели! Он даже чувствовал меня – я схватил его за шиворот в тот момент, когда он собирался улизнуть. Он посинел от натуги, испустил что-то невразумительное.

Я не был настроен на затяжные бюрократические процедуры и медицинские освидетельствования. В подобные заведения легко попасть, но трудно выйти! В голове творилось что-то невменяемое – я был зол на весь свет, вел себя неадекватно! Я волочил его по коридору, он хрипел, глаза вываливались из орбит. Работник пытался засадить мне локоть под дых, отчасти это удалось, что разозлило меня еще больше. Я втолкнул его в ближайшую приоткрытую дверь. Кому-то повезло, что помещение пустовало – случись тут люди, я бы всех отделал!

Небольшой рабочий кабинет – стол, компьютер, вешалка, стеллажи со склянками и инструментами. Хозяин вышел – и правильно. А возможно, это он и стоял передо мной на коленях. Я сдавливал ему горло его же собственной рубашкой. Стоило отпустить, как он опять пытался закричать.

– Лучше молчи, – посоветовал я, – все, что ты скажешь, будет использовано против тебя – причем немедленно, – я показал увесистый кулак. – Разрешаю шептать.

– Послушайте, не бейте... – сипло выдавил работник заведения, – я ни в чем не виноват... не я вас сюда привез... Произошла небольшая ошибка...

– Небольшая? – Я снова разозлился, встряхнул его – да так, что у несчастного зубы клацнули. – Это не ошибка, дружок, а преступная халатность.

Впрочем, медики не виноваты – чего я на них взъелся? Уже научились отличать мертвых от живых.

Стоило мне расслабиться, как мужчина взвыл и метнулся к двери. Я схватил его за рукав, а когда он закружился вокруг меня, отвесил затрепину. Я вел себя нерационально, но не каждый день такое случается! Работник остался в сознании, но с этой минуты вел себя, как оглушенная рыба. Он сидел на полу, тупо качался, глаза сбились в кучу.

Он послушно выполнял мои указания – стащил с себя халат, брюки, неказистый пиджачок. Я торопливо облачался в его одежду – она трещала, полы не сходились. Но ботинки были впору – хоть за это спасибо.

Белый халат я натянул сверху, а на халат – замшевую куртку с вешалки. Она принадлежала другому человеку – широкому в плечах – и висела мешком. Раздетый мужчина снова попытался выразить протест, за что получил добавку. Теперь он был безвреден. Я чувствовал себя примерно так же, как он. Хотелось плакать, ярость душила!

Я шел по освещенному коридору мимо закрытых дверей. Одна, впрочем, была открыта, из помещения доносились приглушенные голоса, там работали люди. Поскрипывала ручная пила. Я пронесся пулей, добрался до лестницы. Она едва освещалась, я несколько раз споткнулся. Машинально приглаживал волосы, но они все равно восставали. Снова путаница в

мозгу, подкашивались ноги. Пришлось опереться о стену, прежде чем выбраться в широкий коридор.

Я безошибочно обнаружил дорогу к выходу – словно меня вел незримый проводник. Может, бывал здесь в прежних воплощениях? Но это вряд ли, комплекс сравнительно новый.

Здесь были люди в белых халатах. Они работали и по ночам. На меня удивленно косились, но никто не останавливал. Белый халат под расстегнутой курткой делал свое дело. Я шел, опустив голову. Просторное фойе – «покойный прием», не иначе. Стулья у стены – там плакала женщина, кто-то ее утешал. За открытыми дверями с термодатчиками ругались люди, светили фары. Санитары вкатывали тележку. Я был не прочь кому-нибудь еще начистить физиономию, но пока обходилось. Охранники были заняты – глазели на происходящее.

Я просочился между санитарями и стенкой, вывалился на крыльцо, оснащенное широким пандусом. Ночь еще не кончилась, небо не серело. От урагана, прокатившегося вечером по городу, не осталось и следа.

– Эй, мужчина, подождите, вы из какого отделения? – бросил мне в спину охранник.

Ага, «оглянись, незнакомый прохожий...»

– Из медико-криминалистического, – проворчал я через плечо. – Покурить выйду... – неужели не видно? Кандидат наук, заслуженный работник здравоохранения.

– Нет, постойте. – Он догнал меня, схватил за рукав. – Подождите, мужчина, я вас не знаю. Медико-криминалистическое отделение закрыто. У нас режимный объект, вы не имеете права здесь находиться.

– Так я и не нахожусь, ушел уже...

Не собираюсь я здесь находиться! Он держал меня крепко, всматривался в глаза. А там было что рассмотреть. Ноги подгибались, одежда странная, лицо – страшнее ядерной триады. И хоть тресни, не сделать из него нормальное! Я вырвался, спрыгнул с крыльца, бросился в обход стоящей у входа машины. Он снова меня догнал, что-то кричал, пытался задержать. Я оттолкнул его – какой навязчивый товарищ! Он споткнулся, упал. Из здания бежало подкрепление из состава вневедомственной охраны. Я опрометью кинулся прочь, забежал за угол, нырнул в темноту, помчался с ускорением, не замечая, что на ботинках развязаны шнурки...

Глава вторая

Водитель ночного такси, которое я поймал недалеко от областной больницы, вопросов не задавал, молча отработывал свои деньги. В крематорий так в крематорий, ему без разницы. И про «ядерную триаду», и про странное одеяние ничего такого не озвучивал, за что я был ему очень признателен. Впрочем, он слишком часто поглядывал в зеркало, будто бы ненароком оттягивал отворот куртки – видимо, держал там средство самообороны.

Я скорчился на заднем сиденье. Меня трясло, ныли ушибы, полученные при падении после удара током. Именно сейчас они решили напомнить о себе. В голове царил сумбур. Я был живой, на свободе, но не испытывал ничего, кроме подавленности. Мысль отправиться домой даже не возникла. Я был уверен, что там никого нет, а где взять ключи?

За окном проплывал полуторамиллионный ночной город, машина катила через Обь по пустынному Коммунальному мосту. На приборной панели отображалось время – половина четвертого. Если в одиннадцать вечера меня долбануло... то – прошло больше четырех часов.

Водитель помалкивал, но чувствовалось, что его подмывает задать пару-тройку вопросов. Лучше бы молчал – для собственного же блага! Мы пронесли мимо спящего поста ГИБДД на съезде с моста, летели по улице Восход, заставленной искусственными светящимися деревьями, к Государственной публичной библиотеке, в которой в свободное от «основной работы» время трудилась моя Варвара.

Дальше – улица Кирова с новыми небоскребами, хитрый съезд на Ипподромскую, уставленную такими же высотками. Прямая, практически пустая дорога до двухуровневого пересечения с улицей Фрунзе...

Слабо шевельнулось в мозгу – без денег таксисты не возят. Я принялся обшаривать карманы – сначала куртки, потом пиджачные и брючные. Как-то некрасиво все складывалось. Денег не было – совсем обеднели отечественные патологоанатомы? Также не было телефонов, сигарет и зажигалок – именно того, что мне сейчас требовалось больше всего.

Нахмурился шофер – у нас возникли одинаковые мысли. Я откинул голову, старался думать о другом. А когда открыл глаза, мы уже проезжали Сад Дзержинского, начиналось Загородное шоссе...

Когда мы свернули в поселок Восход, самым значимым объектом которого был Новосибирский крематорий, я только начал отогреваться. Шофер затормозил напротив неосвещенного шлагбаума – приехали.

– К шлагбауму подъезжай, – бросил я.

Его аж передернуло от моего утробного голоса, но спорить не стал. Снова завелся, сдал назад, уперся в шлагбаум. Из будки охраны вышел Алексей Головин – я узнал его по походке. Осветил фонарем машину, безмолвного водителя, обошел такси спереди.

Я опустил стекло со своей стороны. Он осветил пустое место пассажира, сместил луч. Дрогнул фонарь, Головин попятился, исторг что-то странное из области горлового пения. Я тактично помалкивал. Все понятно, о смерти Никиты Ветрова уже знает каждая собака.

Алексей набрался мужества, снова решил меня осветить. Я подался вперед, чтобы не прятаться в тени.

– Это ты, Никита? – У него даже голос изменился. – Но как же тогда... Ведь нам сообщили... – он закашлялся.

– Да никак, – утробно пролаял я, – слухи о моей смерти оказались несколько преувеличены.

Но он не верил ни словам, ни глазам – рискнул подойти, всмотреться.

– Да живой я, – проворчал я. – Просто временно был мертвый. Все в порядке, Алексей, температура нормальная, трупных пятен нет. Займи пятьсот рублей, рассчитаться нечем.

– Да, конечно... – Головин стал шарить по карманам, выудил несколько мятых купюр, сунул их мне и быстро отдернул руку. Я отсчитал требуемую сумму, отдал водителю. Даже в темноте было видно, как тот смертельно побледнел. Что с ними не так? Мертвецов никогда не видели?

– Давай дальше, – сказал я. – Сейчас шлагбаум откроют.

– Ну уж нет... – замотал головой парень. – Дальше не поеду, сам дойдешь, тут недалеко...

Ладно, черт с ним. Я выбрался из машины. Едва захлопнул дверцу, как он резко сдал назад, пулей развернулся и помчался прочь, как автогонщик по трассе.

Остались я и потрясенный Головин. Он так смотрел, словно я олицетворял саму старушку Смерть (впрочем, в некоторых поверьях она не старушка, а очень даже милая девушка).

Из будки робко высунулся товарищ Головина и сразу спрятался. В этом было что-то сатирическое. Каждый день из года в год лицезреть похоронные кортежи, гробы, венки, заплаканных людей – и стать от этого настолько чувствительными и суеверными?

– Леха, отомри, – проворчал я. – Деньги верну.

– Да ладно, Никита, можешь не возвращать... – Он явно томился моим присутствием на границе охраняемой территории. – Слушай, а ты уверен... – Он колебался, не знал, как закончить.

– Нет, – отрезал я. – Будем разбираться. Закурить дай.

– Н-не курю...

– И давно?

– Н-никогда не курил...

Ладно. Я махнул рукой и шаткой поступью двинулся в глубь охраняемой территории. От затеи стрельнуть сигарету у напарника я отказался. Он заперся в будке и собирался до последнего держать оборону.

– Я позвоню Сергею Борисовичу, можно? – донесся слабый голос Головина. – Он вроде здесь, ему тоже сообщили...

– Не надо, – буркнул я, – не звони. Сам принесу благую весть.

– Хорошо, не буду... – Головин облегченно вздохнул.

Я шел, шатаясь, по щебеночной дорожке, иногда останавливался, раздражался кашлем. Вновь сходило затмение, голова отказывалась работать. Ноги с трудом волочили отяжелевшее тело. Где моя суперсила?

Я опустил на лавочку, чтобы избавиться от одышки. Пропадала чувствительность – к боли, к холоду. Требовалась воля, чтобы подняться и продолжить путь между шеренгами кустарников.

Завершение ночи выдалось малооблачным. Природа словно извинялась за причиненные населению неудобства – ветер стих, осадков не было, даже облака разбредались, и в их разрывах угадывались звезды. До рассвета оставалось несколько долгих часов.

Я терял ориентацию – неведомым образом меня снесло с дорожки, и я оказался на центральной аллее парка. Парк Памяти Новосибирского крематория был образцом ландшафтного искусства. Находился он в городе, сюда бы приходили отдыхать семьями, по аллеям сновали бы мамы с колясками, а все скамейки оккупировали бы пенсионеры. В плане он представлял зеленый прямоугольник с круговой аллеей. Сквозные дорожки делили центральную часть на равные сектора.

Самая широкая, центральная, прорезала весь парк и выходила к главной лестнице крематория. На центральном пятачке, где сходились все дороги, возвышался скульптурный Иисус на распятии.

Я брел мимо строгих рослых фонарей, мимо колокола над дорожкой, мимо ангелов с крыльями, монументальных вазонов на каменных постаментах.

Фонари испускали приглушенный свет – здесь не было ночью темноты. Трава почти не жухла, ее регулярно подстригали. Ухоженные кустарники еще сохранили часть листвы. В летнее время здесь всегда множество цветов. Христианские символы чередовались буддийскими и мусульманскими.

«Мы не отдаем предпочтения одной религии, – объяснял Сергей Борисович, – здесь все равны перед вечностью, примиряются люди разных конфессий, и не имеет значения, что у них кардинально отличаются представления о загробном мире. Здесь неважно, богатый ты или бедный, коммунист или крайний либерал, грешник или праведник – смерть всех уравнивает. Путь в подземное царство отовсюду одинаков. А смысл нашей жизни в том, что она имеет свой предел...»

На меня взирал бронзовый Будда, олицетворяя вселенское спокойствие, – он восседал на постаменте из золотых лепестков. Готовились взмыть в небо крылатые ангелы...

Я снова сидел, смотрел на здание крематория, возвышающееся в конце аллеи. Его венчал терракотовый купол. Позади крематория выстроились колумбарии с нишами для урн с прахом. В светлое время суток они напоминали нарядные жилые домики. Несколько месяцев назад я заключил с администрацией договор касательно собственного погребения. И ведь прекрасная была возможность привести его в действие...

Я зажмурился, представив, как все могло происходить. Друзья, знакомые и безутешные родственники во главе с Варварой и мамой следуют за церемониймейстером и гробом по пространству крематория. Втягиваются в длинный коридор, в конце которого горит ослепительный белый свет. Скорбная процессия растворяется в этом свете. Торжественно звонят колокола. Люди проходят мимо застекленных витрин Музея памяти. Там собраны вещи реально существовавших людей – так называемые материальные портреты. Шествие заканчивается в прощальном зале. Там работает священник (или не работает – дело хозяйское), звучит пронзительная музыка, от которой наворачиваются слезы и рвется душа.

Потом гроб с моим телом погружают в печь, а закончится мероприятие «тихим салютом» – белыми шарами, устремленными в небо. Их поочередно выпускают дети, что подчеркивает тихую печаль события. Иногда выпускают белых голубей, символизирующих чистоту и свет, но насчет голубей в моем договоре ничего не сказано. Впрочем, Варвара могла бы оплатить эту дополнительную услугу – в честь нашего доброго знакомства... Я, кстати, совсем недавно узнал, что слово «колумбарий» переводится с латинского, как «обитель голубей», «голубятня».

В окружающем пространстве было тихо, как в нише колумбария. Я поднялся по ступеням, свернул влево, на подъездную дорожку к крематорию, побрел к музею. Здание бывшей котельной, превращенное в один из самых странных музеев мира, располагалось под боком. Пространство у входа венчал задумчивый сфинкс, вокруг которого наматывал круги охранник из ЧОПа. Мерцал огонек сигареты.

Он перестал ходить по кругу, решил прогуляться за угол, в этот момент я и возник в окрестностях входной двери. Она открылась бесшумно, плавно. Никто не остановил возникшее из темноты «привидение» – грубый недочет охранной структуры.

В музее также было тихо, но уже тепло. Неясные тени скользили по главному выставочному залу – работало дежурное освещение. Моими поступками в эту ночь руководил автопилот.

У стойки слева от входа никого не было – дежурный работник изволил отсутствовать. Я понятия не имел, кто дежурит в эту ночь – Лариса или Михаил. Справа, из служебного помещения, доносились глухие голоса. Но ноги несли меня прямо.

Я призраком блуждал по большому залу – мимо выложенных на возвышении старинных надгробных плит, мимо картин, икон, исторических похоронных аксессуаров, настенных мемориалов. Бренность человеческого бытия – в виде оскаленных черепов, старинных домо-

вин, аллегорическая «Пляска Смерти», задумчивая «Смерть, играющая в шахматы», – охваченная игрой света и тени...

Из полумрака проступали траурные женские одеяния XIX века – казалось, в этом платье кто-то есть, и сейчас эта барышня сойдет с постамента... Реалистичная инсталляция с участием манекенов – сидящая статная женщина в белом платье, а рядом гробик с телом младенца. Так называемый белый траур – элемент Викторианского культа смерти, – когда траурной атрибутике уделяли повышенное внимание...

Из мерклого освещения выростал траурный экипаж в натуральную величину: лошадь, укрытая черной попоной, невозмутимый кучер, колесный катафалк, под бархатным балдахинном. Экипаж перевозил недавно отреставрированный гроб, в котором был похоронен знаменитый бердский купец Владимир Горохов. Гроб примечателен тем, что из него можно выкачать воздух, чтобы тело не разлагалось. Купец – мукомольный промышленник, меценат, основатель индустриального города – скончался в Москве, а тело везли по Транссибу в Новониколаевск. Могилу мецената обнаружили десять лет назад, после обмеления Обского моря. Останки купца перезахоронили. Цинковый саркофаг переехал в Бердский краеведческий музей, а когда в Новосибирске открылся Музей погребальной культуры – снова сменил место прописки...

В музее было хорошо. Тут только поначалу не по себе. Потом понимаешь, что все это неспроста. Лекарство для успокоения души. Здесь лечится страх перед смертью, которая все равно придет...

Я плохо помнил, как оборвались мои неприкаянные блуждания, и я вернулся к выходу. Сотрудница музея Лариса – симпатичное образованное создание с чувством такта и юмора – уже вернулась на предписанное служебными инструкциями место. Она сидела за стойкой и в свете небольшой настольной лампы перелистывала документацию. Девушка хотела спать, зевала, прикрывая рот ладошкой, словно кто-то мог ее видеть.

Я выростал из мрака Музея смерти, обрисовывался в освещенном пространстве. Она почуяла присутствие постороннего, вздрогнула, подняла голову. Ей-богу, мне стало ее жалко: никогда я не видел такого пещерного ужаса на миловидной мордашке. Она побелела, окаменела, посмотрела с диким страхом. Хотела что-то сказать, но в горле встала блокада – только нижняя губа беззащитно подергивалась. «Все ясно, – отметил я, – Головин не звонил. Списал на видение, которые посещают и психически здоровых людей».

– Здравствуйте, Лариса, – тихо поздоровался я. – Все в порядке? Сергей Борисович на месте?

Она сморщилась, в глазах заблестели слезы. «Если выживу этой ночью, пора менять место работы», – отчетливо читалось в ее лице. Слова пробились через блокаду в горле, она издала что-то нечленораздельное.

Я понятливо кивнул – трудности перевода. Варвара лично лицезрела мой труп, да и медики в подобных случаях почти не ошибаются.

– Повторите, пожалуйста, – терпеливо вздохнул я. – Сергей Борисович сегодня на месте? – и сопроводил вопрос некультурным тыканьем указательного пальца.

Лариса глубоко вздохнула и утвердительно кивнула – да, куда угодно, только сгинь.

– Спасибо, – вкрадчиво поблагодарил я и повернулся, чтобы войти в служебное помещение.

– Никита Андреевич, но вы же... – хрипло выдавила Лариса и сделала такую мину, что можно было не продолжать.

– О нет, это в прошлом, уже все в порядке, – пробормотал я. – Много дел, пришлось перенести дату своей смерти.

Дверь открылась бесшумно, и явление воскресшего мертвеца отметили не сразу. Здесь находились моя Варвара и Сергей Борисович, больше никого. Седовласый основатель музея, крематория и похоронного холдинга (а также обладатель ряда титулов и должностей) – всегда

представительный, импозантный – сегодня выглядел неважно, был непривычно растерян, расстроен, даже подавлен. Лицо осунулось, обозначились круги под глазами.

Он сидел за столом, опустив голову, в замшевой куртке, брошенной на плечи, обнимал чашку, из которой свисал хвостик чайного пакетика.

Варвара сидела рядом, боком ко мне. Ссутулилась, в лице ни кровинки, нервно теребила колечко на среднем пальце. Красивая женщина, но не сегодня. Совсем недавно она плакала. Больше, видимо, не могла – слез не осталось. Между ними на столе лежали мои вещи – сотовый телефон, часы, денежная мелочь, документы, сигареты с зажигалкой. Видимо, побывала-таки в морге до моего «воскрешения», забрала все это хозяйство. Одежду брать не стала, да и не надо. Не хочу я ничего носить с мертвеца...

– Да, Сергей Борисович, я уже почти успокоилась, – глухо говорила Варвара. – Что случилось, то случилось, такова жизнь, я все понимаю и уже смирилась... Через три часа надо ехать за телом, готовиться к погребению... Я одного не понимаю, Сергей Борисович, – Варвара устремила к Якушину жалобный взор, – как я могла так ошибиться? Мне казалось, я прекрасно вижу судьбу Никиты, это ясно проявлялось на тонком плане. Он не мог погибнуть от удара током. Никиту поджидала смерть в результате авиакатастрофы – в этом не было сомнений. И не в ближайшее время, а потом, не скоро, только через несколько десятилетий. Ему предстояло пережить меня. Я ничего не понимаю, Сергей Борисович. Признайтесь, для вас ведь это тоже стало шоком?

Вот так новости. Ничего подобного мне Варвара не рассказывала.

– Не то слово, Варюша, – удрученно вещал Якушин. – Я поначалу не поверил, попросил перепроверить информацию. Да уж, неисповедимы пути, мы тоже можем ошибаться...

Я тактично кашлянул. Они прервали беседу и повернули головы.

Эффектнее не придумаешь. У Якушина от удивления вытянулось лицо. Он сильнее сжал кружку с чаем, словно на нее покушались. С Варвары сошла последняя краска. «Праздник к нам приходит, праздник к нам приходит...» – забило в голове. Варвара вскрикнула, совершила прыжок, но не ко мне, а в обратную сторону. Ткнулась в кромку стула, снова села. Потом поднялась, приняла оборонительную позу, так в ней и застыла.

Сергей Борисович поднял кружку подрагивающей рукой, сделал глоток и забыл поставить на место. Могли бы что-нибудь и покрепче выпить по такому поводу...

– Это т-ты? – силло выдавила Варвара.

– Не имею аналогов, – с достоинством ответил я, подходя ближе. Что-то подсказывало – не стоит делать непродуманных резких движений.

Сергей Борисович опомнился, поставил кружку, начал медленно воздвигаться над столом, неуверенно заулыбался.

– Подожди... – Внутри Варвары включились процессы, она стала яростно растирать лоб. – Но ты же умер... Я дважды за эту ночь видела твой труп.

– Это был не труп, – уверил я.

– Нет, труп... – Даже в этой абсурдной ситуации она проявляла ослиное упрямство. – Сергей Борисович... – Она передернула плечами, жалобно глянула на Якушина, – может, это не он? Ведь бывают же случаи...

– Может, мне уехать обратно? – вздохнул я. – Чтобы вам спокойнее было? Только денег на такси дайте.

– Мертвые шутят, называется... – Сергей Борисович шумно выдохнул и улыбнулся во весь рот. – Это он, Варюша, успокойся, меня не обманешь. Никто не вселялся в тело Никиты Андреевича – это он и есть, во плоти, так сказать. И как-то нелогично, согласишься, вселяются в живые тела, а не в мертвые. Просто произошла редчайшая в медицине вещь...

Варвара подошла на цыпочках, недоверчиво вглядываясь в мое непростое лицо, стала ощупывать, сменила мину. Потом с воплем «Никитушка, прости!» прыгнула на шею, стала целовать во все доступные места, что-то бормотала, выла, урчала. Я чуть не упал – пришлось расставить ноги.

Подошел Якушин с улыбкой до ушей, тоже потрогал меня, засмеялся, смахнул что-то с глаза – разумеется, соринку. Потом махнул рукой – доведете когда-нибудь до инфаркта – и на подгибающихся ногах побрел обратно за стол.

В дверь сунулась Лариса, поморгала, вопросительно уставилась на Якушина. Тот кивнул с улыбкой: так надо. Лариса сглотнула, осторожно прикрыла дверь.

Варвара спустилась с небес на землю, довела меня до стула, усадила, сама пристроилась рядом. Девушка все еще всхлипывала, хваталась за сердце. Однако профессиональное самолюбие вернулось на место, и мне по-прежнему стало суждено умереть в падающем самолете. Сергей Борисович подтолкнул ко мне пачку моих же сигарет.

– Курите, Никита Андреевич, сегодня можно. Только смотрите, чтобы в привычку не вошло.

Я с жадностью схватился за свой «Уинстон», стал окуривать дымом служебное помещение. Они не роптали, терпели. Варвара сбегала за баночкой с водой, где я и утопил высосанную в несколько затяжек сигарету.

– Как вы себя чувствуете, Никита Андреевич? – осторожно осведомился Якушин. – С головой все в порядке?

– Нет головы, – проворчал я, – черепная коробка – есть, а головы – нет.

– Главное, что чувство юмора осталось. Хотя в вашем случае, полагаю, оно должно умереть последним.

– Голоса, музыка, хоровое пение, навязчивые мысли? – срывая голос, бормотала Варвара. – Ты извини, Никитушка, что спрашиваю, но все это так необычно...

– Внутренний голос требует убивать, – признался я.

– Понятно... – Она ласково гладила меня по руке. – Это ничего, родной, скоро пройдет...

– Полагаю, Никита Андреевич, мне придется увеличить ваш гонорар, – вкрадчиво сказал Якушин.

– Конечно, – кивнул я, – на достойные похороны.

– Фу... – выдохнула Варвара и расслабилась. – Отпустило, твою-то мать...

– Кстати, насчет моей матери, – вспомнил я. – Надеюсь, вы ей не сообщали о моей безвременной кончине?

– Нет, твоей маме не сообщали, – замотала головой Варвара. – Непросто это, Никита, решили подождать до утра.

– Вот и славно, и не сообщайте.

– Хорошо, не будем.

– Да, Никита Андреевич, – сказал Якушин, – до вашей мамы печальная весть не дошла – и слава богу. Но вашей помощнице Римме Казаченко Варвара позвонила незадолго до вашего эффектного появления, и, полагаю, эта новость ее не обрадовала.

Вот черт! Я вскочил со стула, схватил свой телефон. Разрядился! Некому воткнуть в розетку. Я требовательно уставился на Варвару. Она смутилась, суетливо полезла в сумочку за своим смартфоном.

– До утра не могла подождать?

– Прости, но мы же не думали, что к утру ты оживешь. Да, наверное, ты прав, надо было подождать, дать человеку выспаться. Но я не смогла, а Сергей Борисович не успел меня остановить. Она плакала, Никита...

Надеюсь, не от радости. Я набирал номер по памяти.

– Да, Варвара, слушаю... – голос моей помощницы звучал глухо, но уже не сонно.

– Это не Варвара, – отрезал я. – Римма, ради бога, прости всех нас, произошла чудовищная ошибка. Все в порядке, новость о моей смерти можно отозвать, она не соответствует действительности, это нелепое недоразумение...

Римма помолчала и задала убийственный в своей простоте вопрос:

– Это кто?

– Это твой работодатель Никита Ветров, – терпеливо завел я старую шарманку. – Все в порядке, я жив. Считаю, что эта неприятность произошла с моим однофамильцем, а в морге все перепутали. Варвара поспешила, погорячилась, понимаешь?

– Но это не твой голос... – она все еще сомневалась.

– Как это не мой? – возмутился я. – А чей, позвольте спросить? Римма, кончай выделываться, это я!

– Вот теперь, кажется, узнаю... Подожди, это точно?

– Да! – рявкнул я. – Можешь не сомневаться.

– А кому претензии предъявлять? Ну, сам понимаешь, за моральный ущерб и все такое...

– Я позднее предоставлю подробный список. Ты не звонила моей маме?

– Никита, я незнакома с твоей мамой.

– Вот и отлично, не звони. Не забудь, что утром на работу. Разрешаю опоздать на два часа. Все, спи... если сможешь.

Я отключился, перевел дыхание. Варвара с Сергеем Борисовичем выразительно переглянулись – да, это точно он. Пациент скорее жив, чем мертв.

– Никита Андреевич, если не возражаете, я позвоню медикам, мы должны им сообщить о вашем чудесном исцелении, вы понимаете... – Якушин помялся, – такое не каждый день случается. Нужно провести полное обследование, сделать ЭКГ, ЭЭГ...

– Давайте не сейчас, – взмолился я. – Позднее. Клянусь, Сергей Борисович, я не сбегу.

– Хорошо. – Якушин помедлил. – Я распоряжусь об отмене мероприятий... вы понимаете каких. Хотя, подозреваю, что Лариса уже всех обзвонила и дала соответствующие распоряжения, м-да... – Сергей Борисович не сдержался, прыснул. – Ладно, медиков вызовем позднее. Рассказывайте, что с вами приключилось. Кофе хотите? Есть булочки – на предмет пожевать...

– А у меня есть желудок, – вздохнул я. – На предмет вывернуть его наизнанку.

Я снова курил, повествовал о своих злоключениях. Они уже тихо зеленели от моего дыма, но пока что терпели.

– Это полная версия? – спросила Варвара.

– Полнее некуда.

– Все правильно, – откашлявшись, начал Якушин. – Типичные внетелесные околосмертные переживания. Вам было радостно, спокойно, вы испытывали чувство гармонии. Считали себя способным проникнуть в суть мистических и религиозных событий. Но вместе с позитивными переживаниями многие люди, перенесшие состояние клинической смерти, описывают адские картины огня, какие-то устрашающие сцены, видели людей в состоянии страдания. У вас ничего такого не было?

– Не успел, – буркнул я, – так некстати все оборвалось. Хочется сказать «спасибо» нашей медицине, но в данном случае она принесла больше вреда, чем пользы.

– Подтверждается сохранение сознания после полного отключения мозга, – заметила Варвара, – а мозг, как известно, отключается после остановки сердца. Но все это окутано неясностью... Кто-то видит картины из прошлой жизни, другие начинают говорить на незнакомых языках – причем в совершенстве... – Она с подозрением уставилась на меня.

– Да, ксеногlossия, слышал, – проворчал я. – Но я с вами на суахили общаюсь? Как такое возможно, Сергей Борисович? – задал я самый острый для этой ночи вопрос. – Реанимация не помогла, меня привезли и бросили, объявив мертвым. Человек не может выйти из клинической смерти без врачебного вмешательства. Как такое произошло?

– Не знаю, – смутился Сергей Борисович. – Кто-то наверху посчитал это нужным и необременительным. Значит, вы нужны.

– Вам не приходит в голову, Сергей Борисович, что его смерть была не случайной? – спросила Варвара.

– Смерть всегда имеет причину, – уклончиво отозвался Якушин и засмеялся. – Это не я придумал, а неизвестный автор. Смерть не случайна, это понимаем все мы. На вашу жизнь, Никита Андреевич, покушались. Ураган для злоумышленника стал удачным подспорьем. Гроза, ураганный ветер, оборванные провода – и один из последних контактирует с металлической дверью. Все подстроено. Кто-то знал, что вы пешком направляетесь к дому, успел все сделать. Возможно, у преступника имелся сообщник. Вы никого не видели?

Я пожал плечами. А ведь почудилось, что кто-то прятался за припаркованными машинами...

– Человек, не понаслышке знакомый с электричеством, – продолжал Якушин, – наш фигурант, если помните, трудился инженером по электрооборудованию на ярославском заводе «Термоприбор». Почему бы не сплестись именно отсюда? Сейчас вы не в лучшей форме, Никита, но когда придете в себя, надо продолжать.

– Догадываюсь, – вздохнул я, – в противном случае он рано или поздно меня добьет. Преступник владеет информацией, выяснил, что мы работаем по людям, перенесшим клиническую смерть, решил от меня избавиться, пока я не вышел на что-то важное.

– Но не ты один в курсе, – справедливо заметила Варвара.

– Однако именно меня он предпочел убрать как главную угрозу. Это следует обдумать, но вы правы, Сергей Борисович – не сейчас. Покушение было целенаправленным, убивать кого-то еще этот упырь не хотел. Соседка Клавдия Ивановна вышла из подъезда, ее не ударило. Варвара скатилась по лестнице – ее тоже миновало.

Варвара как-то задрожала, поежилась.

– Злая ирония, – пробормотала она, – мы ищем человека, перенесшего клиническую смерть. При этом то же самое переносит человек, занятый поисками злодея.

– Не думаю, что это совпадение, – сказал Якушин. – Нам явно порываются что-то сообщить. Вам придется заново, Никита Андреевич, проанализировать все, что с вами произошло, не упуская ни единой мелочи. Вы что-то забыли или посчитали неважным. Отдохнете, потом освежите память. Боюсь, после вас опять придется наводить порядок и все утрясать, – вздохнул Сергей Борисович. – Из вашего рассказа явствует, что в областном бюро судебной экспертизы вы вели себя как слон в посудной лавке. Нет, допускаю, вы были несколько взволнованы...

– Да, самую малость, – согласился я. – Сам не смогу, придется вам улаживать вопрос с кражей одежды и нанесением работнику бюро, а также сотруднику вневедомственной охраны легких телесных повреждений.

– Вы уверены, что они были легкие? – Якушин ехидно прищурился.

– Ой, да ладно, – отмахнулся я, – товарищ приобрел бесценный опыт. А второму надо больше тренироваться, прежде чем заступать на охрану важных государственных объектов. Можно мне отдохнуть, Сергей Борисович? Ей-богу, с ног валюсь. Смерть – это так утомительно. Прошу всего лишь 48 часов сна, а потом все, что угодно – врачи, маньяки, заслуженное наказание...

– Да, Варвара ответит вас в гостевую комнату. Отдыхайте, Никита Андреевич, я постараюсь все уладить. Усилим охрану – пусть и за вами с Варварой приглядывают. Вопрос с одеждой решим. «Украденное» придется вернуть. А я пока сообщу куда следует о местонахождении вашего брэнного тела.

Глава третья

История началась 17 октября – после дождичка в среду. Тогда еще не было такого холода, как сейчас, дожди шли, но после них неизменно выходило солнышко, и осень радовала последними приличными «плюсами».

На работу я в тот день не пошел, курил на балконе, развалившись в шезлонге. Здесь меня и настиг звонок Вадима Кривицкого. Завелся в кармане лирико-драматический баритон Иосифа Кобзона: «Если кто-то кое-где у нас порой...» В квартире хлопнула входная дверь – Варвара убежала на работу в ГПНТБ. Обещала не задерживаться – профессия архивариуса ее не очень вдохновляла.

Полезная привычка – брать телефон даже на балкон.

– Здравия желаю, – мрачно поздоровался Кривицкий. Мой старинный одноклассник совсем недавно перекочевал из заместителей в кресло начальника уголовного розыска Железнодорожного РОВД и по этому поводу явно зазнался – совсем перестал звонить. Я даже не был уверен, капитан ли он еще.

– И вам не кашлять, Вадим Батькович, – непринужденно отозвался я, – Решил наконец проставиться?

– Перебьешься, – отрезал Кривицкий. – Вопрос, гражданин Ветров: не пора ли подтвердить вашу лицензию на ведение частной детективной деятельности? Вас не пугает, что вы ее безнадежно просрочили? Ждете, когда в ваш офис придут лучшие бойцы Новосибирского ОМОНа?

– Издеваешься? – оторопел я.

– Ладно, расслабься, ничего другого не придумал, – хмыкнул Вадим. – Ты же в курсе прямолинейного милицейского юмора? Жизнь-то как?

– Признаюсь честно, Вадим, еще минуту назад все было прекрасно.

– Прекрасно – это хорошо, – изрек Кривицкий, после чего заговорил нормальным человеческим голосом: – У нас проблемы, Никита. Неприятно признавать, но это так. Ты все еще работаешь с Якушиным? Ладно, не отвечай, знаю, что работаешь. Требуется консультация – как раз по его... скажем так, специализации.

– А какая у него специализация? – не понял я. – Похоронить кого-то хочешь?

– Я сейчас похороню, – пообещал Кривицкий. – Если не перестанешь перебивать. Просьба отнестись серьезно. В городе происходят неприятные вещи, и если бы ты иногда вылезал из своей погребально-культурной скорлупы, то был бы в курсе. Нам нужна консультация – и не надо по этому поводу ехидничать и иронизировать. Если уж обращаемся, значит, все реально плохо, и мы готовы выслушать даже... нетривиальные версии.

– Мы – это кто? – решил уточнить я.

– Мы – это лучшие головы новосибирской и ярославской полиции, – не ведая скромности, пояснил Кривицкий. – Только не спрашивай, при чем тут Ярославль, это не по телефону. Так что, готов Якушин оказать посильную услугу нашей полиции? Заметь, Никита, мы могли бы сами к нему нагрянуть и поставить перед фактом, однако хочется по-доброму, что ли... – выдал Кривицкий нехарактерное для себя слово, – вежливо спрашиваем, готов ли он оказать содействие, когда ему удобно, и все такое... В общем, не заставляй унижаться, – рассердился Вадим, – мы готовы подъехать в любой время. Хоть сию минуту.

Он невольно меня заинтриговал. От нашей полиции можно ожидать чего угодно, но чтобы набиваться на консультацию Якушина...

– Да, это несколько странно, – согласился Сергей Борисович, когда я ему позвонил. – Но чего не случается в этом мире? Придется принять высокую делегацию. Сегодня не очень загру-

женный день, можно себе позволить... Вы тоже подтягивайтесь, Никита Андреевич, интуиция мне подсказывает, что ваше присутствие не будет лишним. И Варвару Ильиничну возьмите, если она еще не убежала на работу.

Варвары Ильиничны уже и след простыл. Мой звонок настиг ее, когда она нырнула в метро.

– Какая прелесть, – восхитилась Варвара. – Это что-то свежее в новейшей истории. Я возвращаюсь, Никита, вот только позвоню на работу и что-нибудь придумаю. Без меня не уезжай! А лучше подхвати меня на «Октябрьской», я пока в бутик зайду, перчатки себе подберу.

У шлагбаума на въезде стояла полицейская машина. Ее обтекали люди с цветами, прибывшие на церемонию кремации. Охранник был незнакомый – видимо, новенький. Он осведомился о цели визита, поинтересовался, к какому именно Якушину мы направляемся, а когда моя физиономия стала меняться, Варвара пихнула меня в бок: мол, так надо. Человек ведет себя глупо, но правильно.

В хозяйстве Якушина в очередной раз усиливаются меры безопасности. А похоронный холдинг возглавляет целая семейная династия. Пришлось ждать, пока он свяжется с кем-то по рации, выяснит, не шпионы ли мы. Варвара исподлобья косилась на полицейскую машину.

– Надеюсь, у нас не начинаются политические репрессии? – хмыкнула она.

– Нет, – успокоил я. – Просто мой дружок стал важной персоной и теперь передвигается только так.

В итоге нас пропустили. Через несколько минут мы входили в музей. Посетителей было немного, главный выставочный зал погружался в привычный мистический полумрак.

Варвара задержалась у стойки, где Маргарита (сменщица Ларисы) выписывала чеки на бланках, обсудить женские секреты и заодно похвастаться новыми итальянскими перчатками из очень тонкой кожи.

А я уже чувствовал, куда надо идти, и передвигался в зал короткими перебежками. За конным катафалком, увозящим в вечность останки бердского купца, находилась инсталляция старинной траурной комнаты под черным балдахином. Женщина в черной вуали сидела на коленях у гроба, просила Господа о спасении души дорогого человека. Раньше я принимал ее за живую...

Я обогнул инсталляцию, встал за элегантный старинный шкаф. Подобные изделия создаются здесь же, на территории завода специальных изделий. Граждане привозят Якушину старую ненужную рухлядь, а мастера в столярке создают из нее шедевры мебельного антиквариата, чему я сам был свидетелем.

Гости находились в районе лестницы на второй этаж. Незнакомый подтянутый мужчина мялся у шкафа с медалями, посвященными Дню отца, отошел к соседней части экспозиции, где выставлялись декоративные пасхальные яйца с лаковыми миниатюрами, живописующими жития святых. Потом он сместился к надгробным плитам, уставился на выбивающееся из контекста маленькое чугунное надгробие.

Мужчину сопровождал экскурсовод Михаил – плотный, франтовато одетый малый, идеально подкованный по всем вопросам жизни и смерти. Пару месяцев назад он оказал неоценимую услугу нашему расследованию, встав на защиту ценного музейного артефакта. Неудивительно, что именно его Сергей Борисович привлек для встречи непрошенных гостей. Самого Якушина в обозримом пространстве не было – что никого не удивляло.

Надгробие явно заинтересовало посетителя, он сел на колени, включил фонарик в телефоне и стал читать выдавленную надпись.

«Мент, – подумал я, – командированный из Ярославля, впервые в нашем городе и в этом странном музее...»

– Это недавний экспонат, если вам интересно, – комментировал Михаил, – уникальное чугунное надгробие с могилы ребенка. Его нашли в небольшом селе в Республике Коми. Обратите внимание на даты рождения и смерти – девочка скончалась в 23-м, ребенку было полтора года. Чугунные надгробия в первые десятилетия XX века были широко распространены – руда имела повсюду, изделия из чугуна отливали чуть не в собственных дворах. Форму вырезали из дерева, а потом заливали металлом. Изделие уникальное, до нашего времени дожили единицы – все остальное люди сдали на металлолом. Данный предмет несколько десятилетий использовался в хозяйстве как корыто, потом мы его купили... Кстати, совсем недавно объявился родственник этой похороненной девочки – она оказалась его родной тетей. Умерла в младенчестве, была похоронена на старом кладбище нынешнего Сыктывкара. Кладбище закрыли в 1932 году по санитарным требованиям – в те годы особо не церемонились, людям дали три дня, чтобы перенести прах своих родственников на новое кладбище. Срок, конечно, нереальный, а выражать возмущение в те годы было неразумно. Сносили даже могилы героев революции и Гражданской войны. На месте кладбища расширялся город, вырос новый военкомат, а все, что осталось от похоронной атрибутики, хозяйственные крестьяне растащили по подворьям. Нам еще повезло, что последние владельцы надгробия связались с нашим музеем – а ведь могли отнести этот артефакт в пункт приема металлолома... Кстати, обратите внимание на экспонат по соседству. Это тоже чугунное надгробие, но уже XIX века. Оно венчало могилу титулярного советника Артамонова и было обнаружено в одном из пунктов приема металлолома города Барнаула...

Посетитель понятливо кивал, украдкой поглядывая на часы. Сергея Борисовича, очевидно, вызвали по неотложному делу. Я понимал, что все неспроста, морально готовился к новым неприятностям. Отгалкивающего впечатления посетитель не производил – возраст около сорока, нормальное лицо, усталые глаза.

Подойдя поближе, я обнаружил своего однокашника Вадима Кривицкого. Он стоял перед шкафом из черного дерева и сосредоточенно разглядывал качественный муляж голубого бриллианта, переливающийся в лучах света. Вадим задумчиво хмурился, почесывал лоб.

– Черт, испугал... – выдохнул он. – Чего крадешься, как тать в ночи... – Он посмотрел по сторонам. – Похоже, мы с Романом раньше всех прибыли. Якушин отлучился, но скоро будет, вот, снарядил человека устранять нашу безграмотность... Слушай, а это то, что я подумал? – Он снова устремил пытливый взгляд на переливающееся за стеклом изделие.

– Да, это именно то, что ты подумал, – подтвердил я.

Подшли Михаил и второй посетитель. Экскурсовод кивнул мне по-приятельски. Мужчина разглядывал меня с недоверием, настороженно. Очевидно, чутья ему хватило, чтобы понять, кто я такой.

– Никита, – протянул я руку, – Никита Ветров. Госпожа Сташинская подойдет через минуту.

Он поколебался и ответил на рукопожатие:

– Роман Губин, майор, представляю Ярославское управление внутренних дел.

Им хватило сообразительности отказаться от форменного облачения. Еще бы машину на шлагбауме замаскировали под развозчика пиццы.

– Да, не могу обойти вниманием представленное здесь изделие, – сказал Михаил. – Разумеется, бриллиант не настоящий... хотя очень похож. Данная услуга сравнительно новая, ей меньше двадцати лет. Это для тех, кто хочет после смерти стать бриллиантом... ну, или увидеть своих умерших близких в виде бриллианта. Технология довольно новая, в мемориальные бриллианты можно перерабатывать не только прах, но и волосы усопшего. Технологию запатентовали на Западе в 1999 году, а через три года представили широкой публике. В Соединенных Штатах, Японии и странах Европы услуга пользуется спросом. Доходит до того, что в драгоценном камне увековечивают не только родственников, но и домашних любимцев. Тех-

процесс фактически идентичен процессу изготовления синтетического бриллианта. Полученные алмазы подвергают огранке. В среднем выполнение заказа осуществляется за три месяца. Вы можете заказать камень в полкарата, один карат, два карата. Для получения среднего желтого бриллианта потребуется примерно 100 граммов пепла или 40 граммов волос. Если хотите получить голубой камень, необходимо предоставить фирме 500 граммов праха или 100 граммов волос. При этом безразлично, какая часть тела идет на бриллиант – вы все равно получите углерод. Камни искусственные, несколько дешевле, чем найденные в природе, но все равно это настоящие бриллианты, они обладают всеми физическими и химическими свойствами камня. Невооруженным взглядом искусственный бриллиант от настоящего не отличите. Это не делает даже серьезный ювелир. Дать представление о природе камня может только химический скрининг.

– Сколько стоит? – деловито осведомился Роман Губин.

– Это зависит от размера и качества бриллианта, – пожал плечами Михаил, – цены в соответствующих компаниях колеблются от 5 до 22 тысяч долларов.

– Недорого, – удивился Кривицкий.

– Рекомендую, Вадим, – не преминул я вставить слово, – если соберешься нас покинуть.

И тогда у твоей безутешной вдовы будут все основания называть тебя бриллиантом ее души.

– Я и так бриллиант ее души, – проворчал Кривицкий, немного смутившись.

Усмехнулся и Губин.

– О, Варвара Ильинична, доброго вам дня. Как ваше драгоценное здоровье? – раскланялся Кривицкий, обнаружив выросшую у меня за спиной Варвару. Обсуждение новых итальянских перчаток благополучно завершилось.

Что это с ним? Я уставился на своего однокашника. Вадим Кривицкий был на себя не похож – сама учтивость. Удивленно приподнял брови Губин – за моей спиной действительно было на что посмотреть.

– Спасибо, товарищ капитан, – сдержанно отозвалась Варвара. – Драгоценное здоровье пока еще при мне.

На слово «капитан» Вадим никак не отреагировал. Значит, до майора еще не вырос. Михаилу поступил входящий звонок. Он выслушал абонента, кратко отозвался:

– Да, Сергей Борисович, – после чего отключил телефон. – Сергей Борисович на месте, господа, – с важностью сообщил он, – он готов вас принять и просит прощения за задержку – срочные производственные вопросы касательно цеха флористики.

Пришельцы потянулись за Варварой. Михаил вопросительно на меня уставился: дозволено ли будет прикоснуться к тайне? Я молча покачал головой, давая понять, что прикосновение к тайнам мира сего – удел избранных.

– Располагайтесь, господа, – радушно приветствовал гостей Сергей Борисович. – Чай, кофе? Маргарита сейчас принесет. Надеюсь, ваш визит не связан с деяниями того мрачного педофила?

– Какого педофила? – не понял Губин.

Кривицкий что-то зашептал ему на ухо, тот сделал понятливое лицо. Органы полиции не впервые посещали Музей погребальной культуры. В прошлом месяце была развернута охота на педофила – бывшего учителя младших классов. Жертвами извращенца стали несколько детей – до изнасилований, впрочем, не дошло. Но действия сексуального характера и изуродованная психика были налицо. Преступник пустился в бега, как только понял, что над ним сгущаются тучи, кочевал по знакомым, жил на съемных квартирах. И всегда был на шаг впереди оперативников. Когда к нему приходили, его уже не было. При одной из попыток задержания он бросил пластиковый пакет и проспекты – все касалось Музея смерти и похоронного дома

«Некрополь». Все предметы были новенькие, явно по рукам не ходили, отчего опера и решили, что злодей имеет некое отношение к структурам Якушина.

Последний был искренне удивлен – да бог с вами, товарищи полицейские, вам явно не сюда. Педофила впоследствии поймали – да, бывал здесь, но с чем связана причина визита, сам не понимал. У Якушина имелось объяснение: смерть притягивает. Какая только публика здесь не шастает. Хорошо, что крематорий за городом, иначе отбоя бы не было.

Но данные визиты, как правило, одноразовые – людям с черной энергетикой на территории неуютно, им хочется быстрее убраться. На этих гектарах абсолютно чистая энергетика, местность освящается, регулярно проводятся чистки. Но напряженные ситуации тем не менее возникают.

Михаил рассказывал: пришла в музей пара странных посетителей. Дежурил он, больше никого не было. Дело происходило ближе к закрытию. Мужчины выглядели как бандиты. Лет 40–45, явно отсидевшие, все в наколках, в черных кожаных куртках, и это летом! Вели себя подозрительно, от них несло перегаром. Купили билеты, от услуг экскурсовода отказались, только спросили, есть ли в музее иконы. Получив утвердительный ответ, пошли по залам. Обозревали все наличествующие иконы, изучали систему охраны – почти не скрываясь, осматривали камеры видеонаблюдения. Обследовали двери, окна, при этом угрожающе поглядывали на крадущегося за ними Михаила. Он сильно перенервничал в тот день. Посетители ушли, больше не приходили. На иконы никто не покушался. Что это было – загадка...

– Нет, Сергей Борисович, мы по другому поводу, – сказал Губин и покосился на Варвару, чем вызвал мой внутренний протест. Варвара привычно удалилась в угол – нашла там свою нишу. Вошла Маргарита с чаем и печеньюшками, стала расставлять посуду на столе.

– Не стесняйтесь, господа, будьте как дома, – приговаривал Сергей Борисович. – Роман... вы позволите вас так называть? У вас такое лицо, простите, будто вы побывали в плену у призраков.

– Признаться, есть такое чувство, Сергей Борисович, – смутился Губин. – Вам никто не говорил, что это довольно странный музей?

Заулыбались все присутствующие, даже Кривицкий.

– А мы и не претендуем на банальность, – улыбнулся Якушин. – Будет свободное время – выделим вам экскурсовода. Итак, я слушаю вас, господа.

– Позвольте, я начну? – Губин вопросительно глянул на Кривицкого. Вадим пожал плечами. Пока еще этот сладкоежка только присматривался к конфетам Новосибирской кондитерской фабрики, но я уже догадывался, чем это кончится. – Будем кратки, не хотим отнимать ваше время, – вежливо начал Роман. – С февраля 2016 по декабрь 2017 год на территории города Ярославля орудовал серийный маньяк-убийца. Его жертвами становились, как правило, молодые женщины от 18 до 30 лет. Два случая были зафиксированы с несовершеннолетними – одной жертве 16, другой 17. Убийства совершались регулярно, с интервалом ровно в месяц... – Роман помялся, – 23-го числа каждого месяца...

– Проститутки? – спросил я.

Нависло тяжелое молчание, взоры всех присутствующих устремились на меня. Настал мой черед смутиться. Привычка перебивать пока еще не поддавалась излечению.

– Нет, – покачал головой Губин, – жриц любви там было немного. Если точнее – две, но это занятие не являлось для них основным. Обычные женщины: секретарши, официантки, преподаватели, офисные работницы. Многие были замужем, растили детей. Маньяк подкарауливал их поздно вечером в безлюдных местах, возможно, предварительно отслеживал. Устраивал нападения в парках, в дачных кооперативах, на автомобильных парковках. Тела некоторых жертв пропадали с места злодеяния и находились в других местах – в этом мы никакой системы не видели. Возможно, боялся посторонних, оглушал, бросал в свою машину и увозил в

безопасное, с его точки зрения, место, где и убивал. Причем делал это долго и жестоко. Маньяк не сексуальный, – пресек Роман срывающийся с моих губ вопрос, – жертв не насиловал – ни до, ни после, ни во время. Он никуда не спешил, на теле каждой жертвы эксперты насчитывали ровно 23 ножевых ранения... – Роман сделал паузу, которую не преминул заполнить Сергей Борисович:

– Прошу прощения, Роман. Отсюда явно вытекает, что свои злодеяния он совершал в 11 вечера – иными словами, в 23.00. Это так?

– Да, Сергей Борисович, это так... Но не будем забегать вперед. Данные злодеяния пресс-центр Ярославской полиции не афишировал. Слухи ползли, но официальные лица от всего открещивались. Не берусь судить, правильно это или нет, но такое решение приняли, чтобы не будоражить город. Сыщики работали фактически скрытно. Было понятно, что работает один человек, у которого нелады с психикой. Все женщины – разные, у них нет ничего общего: разные национальности, возраст, внешность, род занятий, семейное положение. То есть маньяк не привередничал. Главное, что от себя требовал, – совершить злодеяние 23-го числа – в дождь, в снег, неважно, нанести 23 удара – при этом желательно в 23 часа вечера, плюс-минус какие-то минуты. В основном раны были не смертельные – в конечности, в мягкие ткани, в органы, не являющиеся жизненно важными. Мы пришли к выводу, что он наслаждался своими деяниями, ему нравилось смотреть, как страдают люди.

Последним штрихом он перерезал горло – к тому времени в жертвах почти уже не теплилась жизнь. Это последнее движение было характерно, уникально и обязательно – прямо и вниз, с нажимом... Простите, что я при женщинах... – Губин исподлобья покосился на Варвару. Та пожала плечами – ладно уж, стерплю. – Отсюда был сделан вывод, что действует один человек. Сыщики сбились с ног, не могли выявить этого психа. Я возглавлял оперативно-следственную группу, мы допросили за два года несколько сот человек, совершили несколько ошибочных арестов – потом людей отпустили. Поимка маньяка стала навязчивой идеей... – Губин немного побледнел, постучал пальцем по голове, – у всех членов нашей группы тоже возникла какая-то одержимость... Нас несколько раз снимали с дела, как не справляющихся, потом опять возвращали, поскольку мы с головой были в теме, собрали огромный массив нужной и ненужной информации... Маньяку дико везло, он всегда исчезал незамеченным. Некоторые СМИ уже называли вещи своими именами, но пресс-служба по инерции все отрицала. Каждого 23-го числа полиция была наготове, усиливались патрули ППС, осматривались малопримечательные места. Ярославль не очень большой город в сравнении с вашим, но подобных мест там достаточно...

Он попался по глупости – по иронии судьбы, на 23-й жертве. Девушка – специалист по маркетингу – активно посещала фитнес-занятия, она поборола свой страх, сориентировалась. Дело происходило вечером 23 декабря. Он похитил девушку с парковки у делового центра – она засиделась на работе, подбивала отчеты за год, ударил по голове, отвез на задворки заброшенного гаражного кооператива. Бил ее ножом по рукам, ударил в плечо, смеялся в лицо. После третьего или четвертого удара девушка притворилась, что потеряла сознание, а когда он отвлекся, чтобы закурить, проявила прыть, выкатилась из кустов. Рядом был обрыв, она слетела вниз, побежала с криком. Маньяк пустился за ней, но запутался в корнях под снегом. Девушка выбежала на дорогу, бросилась под колеса проезжающему грузовику. Хорошо, что шофер оказался приличным – сразу известил полицию, отвез пострадавшую в больницу. Она сообщила приметы нападавшего, марку машины – темно-синий «Форд Фокус». Она запомнила, потому что у самой был такой же... В общем, дальше – дело техники, подозреваемого взяли на следующий день. Задержали троих, двоих отпустили, а третий и оказался маньяком... Некто Усманский Владимир Сергеевич, 39 лет, разведен, должность – инженер по электрооборудованию, место работы – предприятие «Термоприбор». Это был точно он, маньяк сам признался. За месяц провели уйму следственных экспериментов, исписали целые тома. Он

подробно живописал свои деяния – кого, где и когда. У человека прекрасная память. Жертв подбирал случайно – это не имело для него значения. Главное – провести ритуал. На вопрос, почему только женщины, ответ был неизменен: женщины слабее мужчин, их парализует страх, они беспомощны.

– Ага, то есть маньяка в итоге изловили, – намотал на ус Сергей Борисович.

– Изловили, – согласился Губин. – Повторяю, это точно он, никаких сомнений. Кто, кроме маньяка, мог знать подробности каждого дела? На следственных экспериментах он показывал, как наносил удары, особенно последний. Анализ порезов на манекенах, сравнение их с ранами на реальных телах – все подтверждалось. Маньяка изучали видные психологи, психиатры, психоаналитики, составили убедительный портрет. Больше месяца его держали за решеткой, изучали, как белую мышшь... На мой взгляд, ничего выдающегося, – Губин презрительно фыркнул, – обычная мразь, возомнившая себя вершителем судеб. Если коротко, Усманскому нравилось убивать, чувствовать власть над людьми, находиться выше общества, совести, религии. Он признавался, что подпитывался этими деяниями, они помогали ему жить. Никаких навязчивых внутренних голосов. Ушла жена, забрав сына, и стали появляться мысли, которые со временем превратились в подавляющие... При обыске у него нашли литературу по магии, хиромантии, нумерологии. Какой-то адский винегрет... Кстати, у экспертов сложилось мнение, что он рассказал не все, кое-что утаил. Например, эта навязчивая тяга к числу 23...

– В этом как раз не вижу ничего особенного, – отмахнулся Якушин. – Испытываю здоровый скепсис к нумерологии, хиромантии и тому подобным вещам. Для кого-то это важно, ищут сокровенный смысл... Не думаю, что это было единственное, что заводило вашего маньяка. Да, он считал это важным – я же считаю ерундой. Число 23 считается особым у символистов, любителей конспирологии, у тех, кто занимается сомнительными обрядами и ритуалами. Два плюс три – равняется пяти, число для вызова Сатаны. Два поделить на три – 0,666 – так называемое «число зверя». Поверьте, это недостойно серьезного исследования. Но в другом вы правы, Роман, вполне возможно, что гражданин Усманский не был во время обследования предельно откровенным. Зачем он что-то утаивал – вопрос другой...

– В конце концов, для нашей работы это неважно, – сказал Губин. – Маньяк обезврежен, убийства прекратились. По личным качествам он также был не подарок с бантиком. Рост чуть выше среднего, жилист, лицо маловыразительное, но глаза вьедливые. Сдержан, но может вспылить. Хороший специалист в своей области. Бывшая жена характеризует его как сравнительно мягкого, вечно погруженного в себя, иногда способного накричать, но никогда не распускавшего руки. К сыну относился так себе, особо воспитанием не занимался. В общем, темная лошадка...

– История на этом, видимо, не закончилась, – подметил Якушин. – В противном случае вас бы здесь не было. Маньяк сбежал?

– Маньяк умер.

– Вот как?

– Просто взял и умер, – развел руками Губин и усмехнулся, – И поди пойми, зачем ему это понадобилось... Внезапный сердечный приступ, утром в камере нашли тело. Без всяких ядов, инсценировок, реальный сердечный приступ, хотя никогда до этого Усманский на сердце не жаловался. Диагнозу врачей можно верить. Суда еще не было, насчет вменяемости психиатры не определились. А тут такое... За телом никто не явился, даже бывшая жена проигнорировала. Маньяка кремировали, соблюдая все формальности, пепел развеяли...

– Туда ему и дорога, – не сдержалась Варвара. – Но рискну предположить, что история все равно не закончилась.

– Теперь похожие убийства стали происходить в нашем городе, – перехватил эстафетную палочку Вадим Кривицкий, и все угрюмо на него уставились. Судьба конфет Новосибирской фабрики, которые опрометчиво принесла Маргарита, уже была решена – Вадим стопкой скла-

дировал развернутые фантики. Он съел их один, остальные к конфетам даже не притронулись, и теперь сообразил, что можно и смутиться.

Сергей Борисович поморщился, хотя новость не стала для него неожиданной. Мы все ожидали услышать что-то подобное.

– Происшествия начались с июня текущего года, – развивал тему Кривицкий, – 23 июня, 23 июля и так далее... Всего четыре случая. Погибли четыре женщины. Анастасия Мельникова, Ольга Штрауб, Марина Серегина и Оксана Хмельницкая. Всем – от 23 до 28 лет. Медсестра, студентка Академии художеств, преподаватель в частной школе, временно безработная... – Вадим неплохо подготовился, шпарил без бумажки. – Не путаны, – покосился он в мою сторону, – вели добропорядочный образ жизни, за исключением, может быть, студентки Серегинной, которая любила посещать бары, танцполы, меняла парней... Но деньги за секс не брала, ей просто нравился такой образ жизни.

Медсестру Мельникову убили недалеко от ее 22-й поликлиники, возвращалась домой с вечернего дежурства, преступник затащил жертву в кусты, где и совершил злодеяние. Жила одна, хватились только утром, когда она не пришла на работу... Студентку Серегину нашли в лесу недалеко от Морского проспекта, неподалеку обнаружили тело шпица, которого она выгуливала. Мать подняла тревогу, но ночью искать не стали – с ее-то репутацией ветреной девчонки...

Ольгу Штрауб нашли дома – кто к ней приходил и под каким предлогом, неизвестно. У подъезда не было камер видеонаблюдения. Муж вернулся из двухдневной командировки в Барнаул, попал под подозрение, его больше месяца держали за решеткой, потом отпустили – когда появилась информация о третьем аналогичном преступлении.

– Ты об этом никогда не рассказывал, – упрекнул я.

– Не наши районы, – вздохнул Кривицкий. – Кировский район, Академгородок, Калининский район... И только последнюю, Оксану Хмельницкую, нашли в Железнодорожном районе, вблизи локомотивного депо. Там формируют составы, всегда грохот, ничего не слышно. Возвращалась от подруги и пропала в районе Бурлинского переезда. Поначалу мы не знали о событиях в Ярославле, даже преступления в Новосибирске не сразу объединили. Потом стали выяснять, не происходило ли в других городах что-то подобное...

– Да, это можете пропустить, – бросил Якушин.

– Все убийства полностью аналогичны. Та же рука, та же зацикленность на числе 23, также никаких следов и никаких свидетелей. Вся работа впустую, зацепок нет.

– Подражатель? – было первое, что пришло мне в голову.

– Об этом подумали, – хмыкнул Вадим. – Но во-первых, – он начал загибать пальцы, – историю о ярославском маньяке худо-бедно удалось утаить. Да, она могла вылезти, но далеко не во всех деталях. Во-вторых, всех, кто обследовал маньяка и вел следствие, а также их знакомых и родственников негласно проверили – никто из них не выезжал в Новосибирск. В-третьих, и это самое главное – ярославские эксперты проанализировали манеру нанесения ножевых ударов новосибирским маньяком и пришли к выводу, что эти удары наносил один и тот же человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.